

УДК 398.22(=512.155/.157)
DOI 10.25587/18857-2094-7950-z

М. Т. Сатанар

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

О СТРУКТУРЕ И СЕМАНТИКЕ КОСМОГОНИЧЕСКИХ МОТИВОВ ЯКУТСКОГО И ШОРСКОГО ЭПОСОВ

Аннотация. Происходящие в современном обществе трансформации во многих сферах жизнедеятельности человека требуют глубоких знаний мифологических основ мышления человека. Архаические вербальные тексты, как кладезь знаковых систем национальных культур, аккумулируют глубинные смыслы, потенциал которых предстает прецедентом, служащим образцом для воспроизведения, а далее и функционирования в контексте разных историко-культурных эпох. Поэтому в современных условиях техногенной цивилизации становится важным «прочтение и интерпретация» смыслового потенциала фольклорных текстов. Статья посвящена исследованию начального этапа космогенеза традиционных зачинов якутского и шорского эпосов, фрагментарные сообщения которых в совокупности взаимодополняют лакуны и очерчивают общую картину космогонического процесса. Предметом исследования являются первоэлементы рождающегося мира эпохи первотворения, которые, предшествуя появлению статических первообразов, вплетены в самую основу архаических текстов. Цель исследования – реконструкция хронологической последовательности фаз сотворения первоэлементов начального этапа космогенеза в зачинах древних эпосов. Новизна исследования заключается в экспликации космогонического процесса, отраженного в мифопоэтических воззрениях якутов и шорцев, который не был еще предметом специального изучения. В исследовании привлечены структурно-типологический метод и семантический анализ. Автором выявлено, что в традиционных зачинах эпосов обнаруживается космогонический порядок «взаимного порождения» первоэлементов, при котором процессуальный характер космогонической деятельности, относящийся по сути к диахроническому ряду, многократно повторяется в синхронической плоскости при дальнейшем разворачивании эпических событий. Полученная циклическая модель мифологического хронотопа, манифестируемая автором как базовый семантический инвариант, в перспективе стимулирует новые научные изыскания в осмыслении космогонических представлений эпических текстов тюрко-монгольских народов в естественно-научном дискурсе. Такой подход, как считает автор, может вывести к единому синергетическому метаязыку, базирующемуся на фундаментальном свойстве человеческого сознания.

Ключевые слова: эпический зачин; мотив начального времени; мотив первотворения мира; хаос; Вселенная; первоэлемент; воздух; вода; огонь; земля.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Эпический памятник нематериальной культуры якутов: текстологический, типологический, когнитивный и историко-сравнительный аспекты».

М. Т. Сатанар

On the structure and semantics of cosmogonic motifs of the Yakut and Shor epics

Abstract. The transformations taking place in the modern society in many spheres of human life require deep knowledge of the mythological foundations of human thinking. Archaic verbal texts, as a storehouse of symbolic systems of national cultures, accumulate deep meanings, the potential of which again and again continues to actualize and function in the context of different historical and cultural eras. Therefore, in modern conditions of technogenic civilization, it becomes important to “read and interpret” the semantic potential of folklore texts. The

САТАНАР Марианна Тимофеевна – н. с. сектора «Олонхведение» Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

E-mail: satanar68@mail.ru

SATANAR Marianna Timofeevna – Researcher, Sector “Olonkho Studies”, Olonkho Research Institute, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

E-mail: satanar68@mail.ru

article is devoted to the study of the initial stage of the cosmogenesis of the traditional beginnings of the Yakut and Shor epics, the fragmentary messages of which together complement the gaps and outline the general picture of the cosmogonic process. The subject of the research is the primary elements of the emerging world of the era of primitive creation, which preceding the appearance of static prototypes, are woven into the very basis of archaic texts. The aim of the study is to reconstruct the chronological sequence of the phases of the creation of the primary elements of the initial stage of cosmogenesis in the beginnings of ancient epics. The novelty of the research lies in the explication of the cosmogonic process reflected in the mythopoetic views of the Yakuts and Shors, which has not yet been the subject of special study. The study involved the structural-typological method and semantic analysis. The author revealed that in the traditional beginnings of epics, a cosmogonic order of “mutual generation” of primary elements is found, in which the procedural nature of cosmogonic activity, which is essentially a diachronic series, is again and again actualized in the synchronic plane with the further development of epic events. The resulting cyclical model of the mythological chronotope, manifested by the author as a basic semantic invariant, in the future stimulates new scientific research in understanding the cosmogonic representations of the texts of the Turkic-Mongolian epics in natural science discourse. This approach, according to the author, can lead to a unified synergetic metalanguage based on a fundamental property of human consciousness.

Keywords: epic conception; motif of the initial time; motif of the creation of the world; chaos; Universe; primary element; air; water; fire; earth.

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the NEFU research project “Epic monument of the intangible culture of the Yakuts: textological, typological, cognitive and historical-comparative aspects”.

Введение

Убедительное объяснение сути всякой культуры из нее самой же невозможно. В изучении мифопоэтических воззрений ситуация усложняется в связи с явной недостаточностью мифологического массива в рамках одной культуры. Очевидно и то, что исконные архаические мироощущения древних людей скрыты в свернутом виде за многими напластованиями исторических эпох. Вместе с тем, видный фольклорист И. В. Пухов склонен был считать, что эпос олонхо берет начало еще с тех времен, когда древние якуты занимали территории своей бывшей родины и проживали там в тесном контакте с древними тюрко-монгольскими племенами Алтая и Саян. По И. В. Пухову, это подтверждается общностью сюжетостроений, сходствами языковых и лексических систем, наличием единых элементов в названиях персонажей [1, с. 9]. Среди последних работ представление наиболее полной историографии по проблеме южного происхождения эпического произведения олонхо имеется в исследовании А. Ф. Корякиной. В работе отмечается, что сторонниками версии зарождения олонхо на юге являлись А. Е. Кулаковский, П. А. Ойунский, Г. В. Ксенофонов, А. П. Окладников, Г. П. Башарин, А. Е. Мординов, И. В. Пухов, Г. У. Эргис, Н. В. Емельянов и мн. др. [2, с. 139]. Итак, общие древнетюркские истоки мифологических систем якутов и шорцев позволяют произвести попытку восстановления единой исконной картины мира путем взаимных дополнений эпизодических элементов якутского и шорского мифопоэтических представлений.

В фокусе внимания – космогонический мотив в эпических текстах якутов и шорцев. Теории мотива посвящено достаточное количество работ (А. Н. Веселовский, В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов, Е. М. Мелетинский, И. В. Силантьев, С. Ю. Неклюдов и др.). Настоящее исследование базируется на структурно-семантической модели мотива Е. М. Мелетинского, представляющей собой синтез семантического (А. Н. Веселовский, О. М. Фрейденберг и др.) и дихотомического (А. Дандес, Б. Н. Путилов и др.) подходов, при котором мотив понимается как одноактный микросюжет, основанный на действии [3, с. 118]. Необходимо подчеркнуть и то, что устойчивая семантика мотивов обуславливается прямой связью с древними представлениями [4, с. 145]. В якутской эпосоведческой науке тема мотива была в центре внимания многих исследователей (Н. В. Емельянов, Н. В. Петров, Е. Н. Кузьмина, А. П. Решетникова, Л. Н. Семенова и др.). В исследованиях шорского эпоса данная тема затрагивается в трудах Д. А. Функа, который установил три хронологических этапа в истории изучения шорского эпоса [5], в работах В. И. Вербицкого, Н. П. Дыренковой, А. И. Чудоякова, Л. Н. Арбакаковой и др. Что касается мифологических мотивов «первотворения», то детальное рассмотрение находим у Е. М. Мелетинского [3, с. 118], С. Ю. Неклюдова (на основе анализа фольклорных материалов монгольских

народов) [6, с. 185–198], А. А. Дмитриевой на основе вычленения сюжетных мотивов олонхо Вилуйской локальной традиции [7, с. 197–200]. Заметим, внимание исследователей якутского и шорского эпосов в основном уделено изучению морфологии эпических зачинов. Настоящая работа ориентирована на изучение семантического аспекта космогонии данных эпосов и ставит целью выявление хронологической последовательности фаз сотворения первоэлементов, выступающих основами материального мира, относящихся к начальному этапу космогонического процесса в мифологических текстах. В работе используются методы описания и обзора, структурно-типологический метод, семантический анализ.

Материалами исследования послужили тексты якутских олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского [8, 9], «Могучий Эр Соготох» В. О. Каратаева [10], «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» П. П. Ядрихинского [11], а также тексты шорских героических сказаний «Кан Перген» и «Алтын Сырык» шорского кайчи П. И. Кыдыякова [12], «Кара Кан» и «Кара Сабак» кайчи В. Е. Таннагашева [13]. Необходимо подчеркнуть, что записи разновременные: олонхо П. А. Ойунского записан самим автором в 1930–1932 гг.; олонхо В. О. Каратаева – фольклористами В. П. Еремеевым и В. В. Илларионовым в 1975 г.; олонхо П. П. Ядрихинского – фольклористом П. Н. Дмитриевым в 1970 г.; шорские сказания П. И. Кыдыякова записаны фольклористом А. И. Чудояковым в период 1950–1960 гг.; сказания В. Е. Таннагашева записаны Л. Н. Арбачаковой в современное время – в записи 1999–2000 гг. Такая выборка связана с сознательным уклонением от исторических, локальных, этнографических и иных аспектов и продиктована ракурсом научного поиска автора статьи – «настройкой “оптики” исследования в направлении изучений универсального, всеобщего» [14, с. 15], требующего в свою очередь необходимость «обнажения» элементов мифа путем «выключения всех слоев» (А. Ф. Лосев).

Архаические модели космогенеза эпических зачинов

В начале эпических текстов, как правило, заявляется космогенез, который разворачивается на фоне мифологического времени. Мифологическое время оформляется трафаретными формулами с единым содержанием в различных вариативных репрезентациях. Эпический зачин характеризуется, во-первых, факультативными сведениями по отношению к основной сути эпоса, во-вторых, статическими описаниями досюжетных событий [6, с. 185]. Эти описания содержат внутренние «динамические составляющие» (С. Ю. Неклюдов), которые и становятся предметом нашего исследования. В задачи нашего исследования не входит детальный анализ всего эпического зачина (по классификации А. А. Дмитриевой, зачин олонхо состоит из девяти сюжетных мотивов [7, с. 198]), мы лишь анализируем начальный этап космогенеза, поэтому ограничимся вычленением из зачина мотива начального времени и мотива первотворения мира. Обратимся к примеру: *Былыргы дьыллар / Быралыйбыт быһылааннаах мындааларыгар, / Урукку хонуктар / Уларыйбыт охсууулаах уорбаларыгар, / Эргэтээҕи дьыллар / Илбистээх-ицрээниэх энгэрдэригэр, ... / Сир ийэ барахсан / Симэхтээх сир иһит / Сиксигин саба эрдэбиттэн, / Сирээдийэн ситэн, / Тэлгэнэн тэрээдийэн, / Томтойо туоллан үөскүүрүгэр* ‘Далеко за вершинами / Древних лет тревожных, / Давно за хребтами / Стародавних дней бранных, / За далями дальними / Минувших времен беспокойных, ... (Блок 1) / Когда мать-земля / Была размером как дно / Сосуда-сир иһит разукрашенного, / Когда ей расти-расцветать, / Разрастаться-расширяться, / Подниматься-располняться / Время настало (Блок 2)’ [11, с. 26–27]. Идея присутствия «начального времени» оформляется с помощью временных наречий с одним значением «давно», «древний», «стародавний» и т. д. При этом временная семантика усиливается за счет контекста «далеко за вершинами ... лет», «за далями ... времен», отражающего также и пространственный смысл. Следовательно, в мифологическом представлении о первотворении имеет место быть неразрывность пространственных и временных характеристик. В приведенном фрагменте исходной эпической формулой предстает выражение «далеко за вершинами / древних лет тревожных», вслед за которой вторая и третья формулы фонетически и семантически заменяют первую. Структура фрагмента состоит из двух блоков: первый блок представляет собой разворачивание категории времени, второй отражает модель расширения вселенского пространства. Раннее мифологическое время представляет собой начальное состояние космоса, когда еще не было структурного разделения пространства в виде «нулевой отметки» (С. Ю. Неклюдов), откуда начинается динамическое увеличение изначально заданной единственной точки. Время

это предстает эпохой первотворения, описываемой в виде расширения, разрастания Вселенной. При этом, как видно из примера, происходящий внутри системы процесс не детализируется, а актуализируется лишь в свернутом виде. Между тем, очевидна некая космогоническая деятельность, осмысливающаяся в виде поэтапно «космизирующегося» первобытного хаоса, из которого рождается Вселенная.

Развернутая фаза эпохи начинающегося миропорядка, являющаяся одним из следующих друг за другом звеньев космогенеза, фигурирует, как нам представляется, в обстоятельном зачине эпоса «Нюргун Боотур Стремительный». В мифологическом пространстве олонхо разгорается сражение между организующими началами космоса и изначальным хаосом, которое на языке метафор передается как «огненная война». Сражение было таким продолжительным и сокрушительным, что «приближалась гибель мира» [8, с. 12]. Описание сражения объемом в 125 стихотворных строк реализует космогоническую тему с использованием «космических» сравнений: *Ахтар-саныыр тухары ааһан биэрбэт / Аан алдьархай манна буолла, / Сүгэ-батас аайы / Сүллэр этинг ньиргийдэ, / Саа-саадах аайы / Сааллар чабылган дапсылынна ... / Тобус дохсун холорук / Тоьо ытыллан түстэ, / Арбаа халлаан анныттан / Аан талба таннары сатыылаата ... / Күннэрэ тахсыбата, / Күдэн оргуйда, / Бийдара тахсыбата, / ытыс таһыйар / Ыас хараҥа буолла* [9, с. 16–17] ‘Незабываемая никогда / Нестихающая разразилась вражда, / Кованая секира блеснет – / Раскалывается, гремя, небосвод; / Стрела с тетивы слетит – / Молния полоснет... / Западный ветер крепчал, / По девяти смерчей / Подымал, крутил, низвергал... / Дождь посыпал, снег повалил, / Солнце не выглянуло, / Месяц не светил, / Вставала густая мгла’ [8, с. 10–11]. В данной мифологической экспозиции архаическое сознание использует звуковой, цветовой, метеорологической коды, с помощью которых задается реестр изначальных первоэлементов миротворения – воздуха, огня, воды в хаотической деятельности. Семантическая подоплёка угадывается в действиях, при этом глагол с семантикой «возникновения» детализируется посредством глаголов «разразиться», «раскалываться», «полоснуть», «крепчать», «крутить», «насыпать» и т. п. Космогоническая тема проявляется в эпизодах, в которых упоминаются стихии в виде «посуды из бересты, наполненной водой», «пылающего огня, уподобляемого горящей сере», «стонов ледяных ураганов», «захлестнувшейся морем огня трясина». Логика присутствует и в конце эпохи первотворения, разворачивающейся в зачине олонхо объемом в 89 стихотворных строк. По содержанию данного отрывка, боги, уразумев, что не могут одолеть друг друга, наконец достигают мирного соглашения *Улуу уот дьүүл* ‘великий огненный суд’ и делят мир между великими объединениями трех племен. Именно в это мифологическое время персонифицирующие хаос злые начала умирятся и локализуются в Нижнем мире [8, с. 12]. Аналогичная схема «сражение – низвержение злых начал» прослеживается в эпосах и других тюрко-монгольских народов (А. П. Беннигсен, М. П. Хомонов, С. Ю. Неклюдов и др.). Трехчастное разделение указывает на качественный продукт акта космогенеза.

Самым семантически нагруженным звеном зачина предстает промежуточная форма состояния пространства между фазой «начинающегося сражения» и фазой «завершающегося сражения»: *Охсуһуунан олохсуйбут, / Оһолго тэбиллибит / Орто туруу дойду / Умса холоруктаан, / Унаара-кэнээрэ биллибэт / Кутаа уотунан кырбаһан / Кута курдук долгуйда; / Алдьархайдаах аллараа дойду / атыяхтаах уу курдук айманан, / Түгнэри холоруктаан / Түөрт өттүттэн / Күөх дьэбидик уоттар / Көбөрө сырсаннар – / Ообуй обус бадараанныыр / Обуруктаах уот дьэбэрэ диэн / Түөрт түптүр үтүгэнинэн / түгэхтэммитэ үһү. / Тохсус добун манан халлаан / Тордуйалаах уу курдук долгуйан, / Тингилэх кэтэбин курдук / Тиэрэ ханарыйан тахсан ... / Күрүлэс күр муһунан / Күрдүргэччи бөтүхтээн – / Соххор холорук дугуйдаммыт / Содуомнаах собуруу халлаан диэн / Үтүрүөбэт үлүгүрдэммит / Үлүскэннэх үрүттэммитэ үһү* [9, с. 16–17] ‘Средний серо-пятнистый мир, / Завихриваясь в кружение своем, / Как трясина, зыбиться стал... / Бедственный преисподний мир, / Расплескиваясь, как лохань, / Против движения средней земли / Полетел, закружился, гудя, / Охваченный с четырех сторон / Багрово-синим огнем. / Оттого у него с четырех сторон / Выросли, поднялись / Четыре препоны – стены... / Девятое белое небо, / Расплескиваясь, как вода / В лукошке берестяном, / Обрато движению своему / Выгибаясь, как пятки задок, / От мчащейся ледяной шуги / Южным небом, где тучи клубятся / Заслонилося, словно щитом’ [8, с. 11]. На уровне мифологической семантики главный смысл заключается

в идее «вращения», за которой следует и идея «переворачивания». При этом заметим, что в фрагментах наличествуют два вида вращения, противоположных друг другу. Для ясности приведем комментарий П. А. Ойунского: «Небесная страна, пылая синим огнем, перевернулась и образовала страну южного полюса, вертлявого как вихрь... Нижний мир пылая в огне перевернулся верхом вниз и образовал страну северного полюса – преисподнюю» [15, с. 12]. Речь идет о возникновении полярности мира. Далее, в последовательности космических событий, начало завершающей фазы актуализируется как: *Кыргызымт күүстэриттэн / Кытара кыыһаннар, / Улуу байбал түгэбинэн / Умсан тахса-тахса, / Бурулуу-бурдугунуу, / Бурулуу-будулуйа олордугар* [9, с. 17] ‘В бесполезной борьбе распаясь, / Как железо в огне, раскалясь, / То и дело стали они / В ледяное море нырять’ [8, с. 11]. В фрагменте манифестируется важный признак этой фазы космогенеза – образ «ледяного моря», указывающий на становление более высокого уровня, получающего статус завершающейся формы начального этапа космогенеза. Как видно, все последовательно предстающие звенья космогенеза состоят из многих микроскопических, сопутствующих друг другу мотивов, которым свойственна своя мифологическая семантика, и они констатируются «микромифами» [16, с. 131].

Примечательно, что совсем иначе, эксплицитно выражены первичные данные о мире в зачинах шорской эпической традиции. Приведем пример: *Алты азақтан келип шықча. / Ыстунгүзү үш тегридең, / Ыш сабақтаң келип түшча. / Алтын өргези алып-күлүктүң / Часқы мус шени чалтырап турча. / Күскү мус шени күлтүреп турча. / Ат пагладчаң алтын шарчыңның / Алтыңызы одус тамнаң / Одус табырлан келип шықтыр. / Алтын шарчында сүттең арыг / Ақ ой ат паглал партыр ... / Көк өлең наа өсчүган шенде, / Көк торчуқ наа көглешичган шенде* [12, с. 324] ‘Давно-давно это было, оказывается. / Позже давнего поколения было, / Раньше нынешнего поколения было. / Когда впервые земля и вода разделялись, / Когда земля сотворялась, тогда было, оказывается. / Когда мешалкой землю делили, / Когда камысом воду делили, (Блок 1) / Когда на берегах-деревьях, проклеываясь, / Лист выходил, тогда было. / Когда впервые мир-народ сотворялся... / Когда впервые зеленая трава выростала, / Когда впервые зеленый соловей запел (Блок 2)’ [12, с. 323]. Как и в зачине якутского олонхо, в первом тематическом блоке говорится о раннем мифологическом времени, при котором основными компонентами эпических формул выступают слова «давно», «позже, раньше», «впервые». Во втором блоке хронотоп представляется «первообразами» (березы-деревья, мир-народ, трава, соловей), наделенными космическими статусами, которые по классификации С. Ю. Неклюдова относятся к «завершенной» форме эпического зачина. Набор этих «первообразов» можно считать устойчивым в рамках незначительных вариативных трактовок: *Амдыгы төлдүн алында полча, / Пурунгу төлдүн соонда полча. / Чер нүдерде, / Черсил қабыжарда полча. / Қалақпа чер пөлдүжүн, / Қамышпа суғ пөлдүшчитқан полтур. / Көгериш-келип, / Көк өлең өсчитқан полтур. / Ақ пүрлүг / Ақ қазыңнар паитарында / Қырық қушқа қағыш чөрча. / Көк өлеңнің паитарында / Көк торчуқтар көглешичитқан полтур* [13, с. 14] ‘Прежде нынешнего поколения это было, / Позже давнего поколения это было. / Впервые тогда земля создавалась, / Земля и вода схватывались, / Мешалкой земля замешивалась, / Ковшом вода отделялась. (Блок 1) / Впервые тогда, зеленея, / Молодая трава пробивалась. / На белой березе / С зеленой листвой / Сорок птиц щебетали. / На верхушках высоких трав / Молодые соловьи распевали (Блок 2)’ [13, с. 15].

Космогонический порядок «взаимного порождения»

Ценным для нашего исследования является обозначение в зачинах шорского эпоса событийных действий в творении мира – замешивание земли мешалкой и отделение воды камысом (ковшом). Символические классификации, согласно логике мифологического мышления, задаются семантическими оппозициями «земля/вода». Примечательна в текстах актуализация действий – схватывания и разделения земли и воды, находящихся семантическое соответствие с описанием «огненной схватки» в якутском варианте. В мифологической символике индоевропейских языков установлено, что «хаос первоначально отождествлялся с разъединением, а гармония и порядок – с соединением, хаос обозначал предпространство [17, с. 99]. Заметим, в шорском зачине не упоминается, кто творит мир посредством этих орудий, кто осуществляет разъединение земли и воды. Исследователи разделяют эту позицию, отмечая, что из единого первоначального хаоса были порождены три взаимосвязанных мира [18, с. 29], что

небо с землей до отделения друг от друга представляли собой изначально единую стихийную силу [19, с. 21]. В зачинах обоих эпосов признается присутствие Создателя – первопричины появления Вселенной. Для адекватного понимания поэтапной «механики развития» (термин В. Н. Топорова) космогонической деятельности, информативным для нас предстает мифологический текст, зафиксированный А. В. Анохиным в Алтае. По содержанию текста, атрибуты, используемые в творческом акте, принадлежат Небесному Ульгену – персонифицированному образу природной стихии (грома и молнии): «Движущий Солнце и Луну, / Перекатывающий белые облака, / Разрушающий черные леса молнией, / Измерил все ложкой и совком» [20, с. 11]. В этом плане некоторые сходства обнаруживаются и в якутском мифе, записанном Я. И. Линденау в начале XVIII в.: «Братья Аар Тойон, Юрюнг Айыы Тойон и Сюгэ Тойон единодушно решили сотворить небо и землю ...» [21, с. 115]. В тексте присутствуют три персонифицированных образа, которые в процессе упорядочения мира, осуществляемого архаическим сознанием, предстают в качестве закодированных элементов явлений природы [22, с. 412]. Варьируется та же космогоническая тема. *Аар Тойон*, по утверждению А. И. Гоголева, служит некогда функционировавшим в сознании якутов образом-олицетворением культа Неба [18, с. 16], *Юрюнг Айыы Тойон* – есть персонифицированный образ Солнца, *Сюгэ Тойон* – образ грома, молнии. Свою гипотезу А. И. Гоголев аргументирует на основе этимологической связи якутского *aar* с общиндоевропейским корнем *ap* (арта), который переводится на русский язык как «порядок». А. И. Гоголев считает, что начальный смысл якутского слова *aar* исходит из понятия «первопричинный порядок», который образовался в результате разрыва исходного хаоса [18, с. 17].

Из вышерассмотренного, для уяснения механики развития космогонической деятельности, вытекает ряд важных замечаний: во-первых, в созидательном акте «первоэлемент» огонь взаимодействует (орудует) с водой и землей; во-вторых, налицо причастность в космогенезе «первоэлемента» воздуха (*Аар Тойона*); в-третьих, «первоэлементы» являются братьями, а значит имеют единый исток, в мифопоэтическом сознании предстающего как изначально заданная константа в лице Создателя.

Известно, что одним из архаических мифов о начале мира служит «учение о четырех элементах бытия». Люди с древних времен обожествляли и чтили элементы воды, огня, воздуха и земли [17, с. 99]. «Первоэлементы» в архаичных традициях, обладая сакральным, «космизирующим» значением, послужили основой для появления числовых характеристик. Классификационный принцип чисел предполагал наличие системы иерархических отношений всех существ и предметов. Речь идет о последовательной цепочке этих отношений, и в этом смысле наиболее показательным предстает классификационный принцип древнекитайской культуры, демонстрирующий алгоритм «порядка взаимного порождения»: «Дерево дает начало рождению огня, огонь – рождению земли, земля вызывает рождение металла, металл – рождение воды, вода порождает дерево», или по-другому отмечается, что «преодоление идет по цепочке: металл-дерево, земля-вода и т. д.» [22, с. 134]. Значит, «первоэлементы» задают и качественное членение мироздания, и законы фазовой цикличности, основывающейся на применении базовой семантической оппозиции «жизнь/смерть». Древнекитайские тексты находят аналогию с древнеиндийскими: «Атман приводит к возникновению пространства, пространство создает ветер, ветер дает начало появлению огня, огонь – к возникновению воды, вода порождает землю, а из земли вырастают травы» [22, с. 134], где в «порядке взаимного порождения» отсутствует металл. Аналогичные схемы присутствуют и в древнегреческой культуре.

В рассмотренных выше эпических зачинах и отдельных мифологических текстах уже сохранились намёки на идею последовательного порождения «первоэлементов». Однако более непосредственное свидетельство этого порядка обнаружено в ходе исследования. В личном архиве знатока народных преданий П. И. Еремеева хранится текст 2005 г. записи, близкий по содержанию к древнеиндийским упанишадам, с примечательными подробностями следующего содержания: *Былыыр-былыр, ийэ буор айыллан Уорааннаах орто дойду диэн ааттаммытын кэннэ, Күлүм Күммүт иччитэ Үрүҥ Аар Тойон ɔаһалынан салгын, уу, уот бу орто дойдуга айылыбыта үһү. Бу улуу айылгылар барылар аччилээхтэр уонна ол иччилэр бырааттылар эбиттэрэ үһү. Бастаан бэйэ-бэйэлэригэр көмөлөсүһэн, эйэ нэмнээхтик олорбуттар. Күн иччитэ бу орто дойду иччитэх эбит диэн, үөнү-көйүүрү, оту-маһы, кыылы-сүүлү айан орто*

дойдуга олохсутан барбыт. Онуоха уу иччитэ Күөх Боллох байа сатаан үөскээбитти барытын ылан бэйэтигэр ууга саһыарбыт. Онуоха кыра быраата Хатан Тэмизэрийэ умайыктанан турбут: «Эн, Күөх Боллох бабайыкай, иҥсэбэр барыны-бары бэйэн харайдын. Миэхэ тугу да хаалларбатын. Мантан иннэ бу орто дойдуга үөскээбит мин ирээтим буолар» – диэбит. Убайа Күөх Боллох кыһыран өрө үллэнни түспүт: «Эн оботун бэт, үөскээбитти утары сиэн иһин, оччоҕо туох да эбиллэн орто дойдуга үөскүү суоҕа, көрөбүн дуо – бу миэхэ саһан араас үүнээйи, хамсыыр харамай элбээбитин?! Онон эйиэхэ тугу да бэриллибэт» – диэн турбут. Ол кэнниттэн ширсэн охсуһан турбуттар. Күөх Боллох Хатан Тэмизэрийэни кииһилээбэтэх. Тула төгүрүйэн өлөрөөрү ыксаппыт. Онуоха убайдара Ньулуун Нуһаран – «Тохтоон! Бу орто дойдуга биһигини Үрүҥ Аар Тойон бары туһалааххыт диэн айбыта» – диэбит. Уонна Хатан Тэмизэрийэни суккуруур дууһата эрэ хаалбытын көтөбөн ылан, уу үрдүнэн көтүтэн илдьэн хайа сирэйигэр түһэрбит, куотан сас диэн сүбэлээбит [23, с. 41] ‘Давным-давно, по соизволению духа-хозяина Солнца Юрюнг Аар Тойона, на земле были сотворены воздух, огонь и вода. Стихии имели своих великих духов-братьев. Вначале времен они жили мирно ... Однажды Юрюнг Аар Тангара подумав о том, что эта земля пуста, начал создавать и поселять ее разными видами насекомых, растений и животных. Но тут дух воды Кёх Боллох стал все подбирать под себя. И тогда Хатан Тэмерия в гневе начал горячиться: «Ты, ненасытный Кёх Боллох! Мне ничего не оставил. С этого момента, все что будет рождаться на этой земле будет моей долей». Кёх Боллох вздымился от злости: «Ты жаден и родившегося сразу сожрешь! Тогда на этой земле ничего не будет размножаться, я тебе ничего не отдам!». После этого разразилась жестокая схватка. Близилась смерть Хатан Тэмерия. Тогда Ньулуун Нусаран несясь над морем крикнул: «Остановитесь! Нас всех сотворил Юрюнг Аар Тойон, считая нужным каждого для процветания жизни на земле!», и подняв обессиленного Хатан Тэмерия спрятал на склоне высокой горы’ [пер. наш]. Дальнейшее развитие сюжета относится к теме отдельного изучения. В тексте прослеживается синтез элементов поздних напластований (например, в собственном имени духа Солнца) и деталей более архаичных представлений. К значимым сообщениям относится не только порядок «первозлементов» по принципу родоплеменной иерархии, но и «событийная» канва космогонической деятельности в виде разгорания схватки между стихиями воды и огня. Важно также имплицирование в тексте духа земли, который «пока отсутствует» (пустая земля), тем не менее его появление предполагается из действий творца, а значит дух земли предстает младшим из братьев. И эти уточнения вносят дополнительную ясность в разрозненных фрагментах космогенеза.

Таким образом, вырисовываются следующие причинно-следственные отношения в общей картине архаической космогонии: существует последовательность «первозлементов» воздух (ветер) → вода → огонь → земля, причем им предшествует предпространство (М. М. Маковский); процессуальный характер отражает взаимодействие огня со стихиями воды, земли и воздуха.

Проявление циклической концепции космогонического порядка в сюжетно-композиционной структуре эпоса

Ряд «воздух (ветер) → вода → огонь → земля» по сути отражает качественный переход из начального состояния в иное состояние посредством процесса «взаимного порождения-разрушения» (термин В. Н. Топорова), при котором предыдущий «первозлемент» разрушает последующий [22, с. 134]. Вся эта динамика поэтапного перехода состояний в архаической космогонии представлен семантическими оппозициями «вращательные движения вправо-влево», «темное-светлое», «холодное-теплое», «сухое-влажное» и т. п. При этом именно комбинации последних двух оппозиций, согласно логике мифологического мышления, соответствуют четырем «первозлементам».

По вопросу космогонического порядка констатируется, что в целом мифологические тексты древних культур соответствуют друг другу лишь с небольшой разницей в последовательном порядке и составе элементов [22, с. 134]. Главный смысл текстов скрыт во взаимном «разрушении-порождении» элементов, иначе фиксируемых как качественная фаза «становления одного и разрушения другого», отражающих циклическую концепцию. Выше был изложен порядок «воздух (ветер) → вода → огонь → земля». Оставшееся звено отношений «земля / воздух», замыкающее полный цикл космогонического порядка, чётче осмысливается в синхронной

плоскости с наиболее близкой для нас схемой древнеиндийских упанишад (см. выше). В этой схеме одним из компонентов ряда фиксируется «рождение растений из земли». Итак, полный цикл мифологического хронотопа реализуется неизменной последовательностью четырех фаз, далее продолжающихся в новом цикле, на уровне семантики смыкающихся в единство двух понятий – жизни и смерти.

Обратимся вновь к текстам эпосов, где прослеживается реализация этих космогонических потенций. В мотиве описания мира завидной устойчивостью обладает эпическая формула с небольшими вариациями в трактовке: *Ойон тахсар күннээх, / Охтон баранар мастаах, / Уолан баранар уулаах, / Уостан сүтэр уйгулаах, / Мун-сор суунабалаах, / Муур-таар бэйжэлээх / Орто туруу дьабыл дойду диэн / Оноһуллубута эбитэ үһү* [9, с. 12] С деревьями, роняющими листву, / Падающими умирая, / С шумом убегающих вод, / Убывающих высыхая, / Расточающимся изобильем полна, / Возрождающимся изобильем полна..., / Появилась она – изначальная Мать-Земля [8, с. 8]. В формуле семантическая составляющая кроется в наделении всех явлений и предметов, рождающихся на этой земле, своим началом и концом, а значит, характеризующихся прерывным качеством. Вместе с тем, дальнейшее развитие сюжета предполагает обязательное продолжение однажды проявленного явления, передающегося в словосочетании «расточающееся-возрождающееся». Последнее указывает на непрерывное качество явления, где речь идет о циклической сути бытия.

Примером проявления этой модели в эпосе может служить начальное звено сюжета олонхо «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта». Так, в развитии сюжета богатырь-айыы попадает в злые чары девушки-абаасы Нижнего мира [11, с. 141–143]. В развязке сюжета от колдовских пут его освобождает сестра-богатырка, которая оживляет его с помощью желтого масла-илгэ [11, с. 275]. Далее, богатырь-айыы создает семью с красавицей-айыы и продолжает счастливую земную жизнь [11, с. 279]. А вот как иллюстрируется речь умирающего богатыря преисподней, являющаяся также клишированной: *Миигин өлөттөрөнгүн / Өрөгөйүн үрдүүрү биллибэт, / Кыыс оҕон / Кыптыыйынан оонньуурун саҕана, / Уол оҕон / Оноҕоһунан оонньуурун саҕана, / Холумтанын аннынан / Хара хамсык буолан / Көбүөхтүммүн эрэ* [10, с. 182] ‘Убив меня, / Счастье свое возьмешь ли – / Неизвестно. / Когда твоей дочери / Ножницами играть время настанет, / Когда твоему сыну / Стрелами забавляться время придет – / Из-под очага твоего, / Я вынурну’ [10, с. 183]. Воспроизведение такого же процесса наблюдается и в шорском эпосе. В развязке сюжета богатырь Нижнего мира *Кара Сулазын* убивает в сражении *Алтын Чылтыса* – друга *Алтын Сырыка*. В последствии именно сын *Алтын Чылтыса* – юный богатырь *Алтын Шанна*, продолжает богатырский поход отца и вместе с *Алтын Сырык* одолевают врага [12, с. 373–379]. Фрагменты такой логико-семантической импликации можно продолжить. Заметим, что реализация циклической идеи встречается в любом эпосе, при котором наблюдается наложение космогонических символов с эсхатологическими [16, с. 127].

Заключение

В традиционных мотивах начального времени и сотворения мира эпических зачинов якутского и шорского сказаний, за кажущимися статическими описаниями досюжетных событий, обнаруживаются внутренние компоненты в виде «динамических составляющих», отражающих картину космогонического процесса. В результате структурно-семантического анализа свернутого сообщения «возникновения» мироздания, описывающего космогенез, было выявлено наличие определенного «космогонического порядка» первоэлементов мироздания – воздуха, воды, огня, земли. В ходе исследования раскрыт ценный познавательный потенциал архаических представлений, с помощью которых действительно «эмпирические знания могли бы пополниться большим объемом и многообразием взаимосвязей между понятиями» [22, с. 404]. Космогоническая деятельность, сообщаемая в эпическом зачине текстов, предстает в виде циклической модели мифологического хронотопа, расценивающегося в качестве манифестации семантической универсалии. Эта модель в дальнейшем сюжетно-композиционном построении эпоса многократно проецируется в виде множественности перекодировок. Последние проявляются в событийных эпизодах, восходящих к базовой семантической оппозиции «жизнь/смерть». Базовая семантика, родословная которой берет свое начало с самых основ космогенеза, настраивает на новые научные поиски через призму естественно-научных постулатов,

которые возможно, позволят осмыслить её в качестве фундаментального свойства человеческого сознания.

Литература

1. Пухов И. В. Олонхо – древний эпос якутов. – Якутск : Сайдам, 2013. – 48 с.
2. Корякина А. Ф. Устойчивые мотивы олонхо : трансформация во времени // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. – 2018. – № 3 (11). – С. 138–145. – DOI 10.25587/SVFU.2018.11.16946.
3. Мелетинский Е. М. Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Ученые записки Тартуского государственного университета. – 1983. – Вып. 635. – С. 115–128.
4. Путилов Б. Н. Мотив как сюжетообразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. – Москва : Наука, 1975. – С. 141–155.
5. Функ Д. А. Шаманская и эпическая традиции тюрков Юга Западной Сибири : историко-этнографическое исследование телеутских и шорских материалов второй половины XIX – начала XX вв. : автореф. дисс. ... д. ист. н. – Москва, 2003. – 50 с.
6. Неклюдов С. Ю. Морфология и семантика эпического зачина в фольклоре монгольских народов // Китай и окрестности : мифология, фольклор, литература. – Москва : РГГУ, 2010. – С. 185–198.
7. Дмитриева А. А. Указатель сюжетов и мотивов олонхо Вилюйского региона // Наука и образование. – 2007. – № 2. – С. 197–200.
8. Ойунский П. А. Нюргун Боотур Стремительный : якутский героический эпос олонхо / пер. В. В. Державина ; послесл. и коммент. И. В. Пухова. – Якутск : Кн. изд-во, 1975. – 431 с.
9. Ойуунускай П. А. Дьбулуруйар Ньургун Боотур : олонхо / подг. к печати П. Н. Дмитриева, С. П. Ойунской; ред. В. Н. Иванов. – Дьокуускай : Сахаполиграфиздат, 2003. – 544 с. (На якутском яз.)
10. Каратаев В. О. Якутский героический эпос «Могучий Эр Соҕотох» / отв. ред. Н. А. Алексеев, Н. В. Емельянов. – Новосибирск : Наука, 1996. – 440 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). (На якутском и русском яз.)
11. Ядрихинский П. П. Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта / отв. ред. В. В. Илларионов. – Якутск : Көмүөл, 2019. – 508 с.
12. Шорские героические сказания / вступ. статья, подг. текста, пер., комм. А. И. Чудоякова ; музыкально-ведческая статья и подг. нотного текста Р. Б. Назаренко. – Москва : Наука, 1998. – 463 с.
13. Шорские героические сказания : Кара Кан, Кара Сабак / сост., пер. Л. Н. Арбачакова. – Москва : Институт перевода Библии, 2014. – 280 с.
14. Неклюдов С. Ю. Поле гуманитарного знания и стратегии исследования народной культуры // Вестник РГГУ. Серия : Культурология. Искусствоведение. Музеология. – 2008. – № 10. – С. 11–24.
15. Ойунский П. А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание. – Якутск : Сайдам, 2016. – 120 с.
16. Неклюдов С. Ю. Мифологическая семантика в зачинах монгольского эпоса // Opera altaistica professori Stanislawo Kalużyński octogenario dicata. Rocznik Orientalistyczny. T. 58. Zeszyt 1. – Warszawa : Dom Wydawniczy Elipsa, 2005. – P. 117–132.
17. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. – Москва : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
18. Гоголев А. И. Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. – Якутск : Изд-во Якутского университета, 2002. – 104 с.
19. Шаракшинова Н. О. Космогонические представления в эпосе монгольских народов // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. – Якутск : Якутский филиал СО АН СССР, 1978. – С. 20–24.
20. Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев // Сборник МАЭ. – Ленинград : Сборник музея антропологии и этнографии, 1924. – 152 с.
21. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. – Якутск : Бичик, 2008. – 400 с.
22. Топоров В. Н. Мировое дерево : универсальные знаковые комплексы. Т. 2. – Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – 496 с.
23. Еремеев П. И. Заметки по якутскому верованию // Рукописный фонд архивного отдела Крест-Хальджайской сельской библиотеки Томпонского улуса РС(Я). – Фонд краеведа П. И. Еремеева. Оп. 1. Ед. хр. 2. – 57 л. (На якутском яз.)

References

1. Pukhov I. V. Olonkho the ancient Yakut epic. Yakutsk, Saydam Publ., 2013, 48 p. (In Russ.)
2. Koryakina A. F. Stable olonkho motifs: transformation in time. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2018, no. 3 (11), pp. 138–145. DOI 10.25587/SVFU.2018.11.16946 (In Russ.)
3. Meletinsky E. M. The semantic organization of mythological narrative and the problems of the semiotic index of motifs and plots. *Scientific notes of Tartu State University: Collection of articles*. 1983, vol. 635, pp. 115–128. (In Russ.)
4. Putilov B. N. Motif as a plot-forming element. In: *Typological studies on folklore*. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 141–155. (In Russ.)
5. Funk D. A. The shaman and epic tradition of the Turks of the South of Western Siberia: a historical and ethnographic study of teleutsky and short-range materials of the second half of the XIX – early XX centuries. Abstract of the dissertation of Doctor of Historical Sciences. Moscow, 2003, 50 p. (In Russ.)
6. Neklyudov S. Yu. Morphology and semantics of the epic conception in the folklore of the Mongolian peoples. In: *China and surroundings: mythology, folklore, literature*. Moscow, RGGU Publ., 2010, pp. 185–198. (In Russ.)
7. Dmitrieva A. A. Index of plots and motifs of the Vilyui region. *Science and Education*. 2007, no. 2, pp. 197–200. (In Russ.)
8. Oiunsky P. A. Nyurgun Bootur Swift: Yakut heroic epic olonkho. Transl. by V. V. Derzhavin. Yakutsk, Book Publ., 1975, 430 p. (In Russ.)
9. Oiunsky P. A. Nyurgun Bootur the Swift: olonkho. Ed. V. N. Ivanov. Yakutsk, Sakha printing Publ., 2003, 544 p. (In Yakut)
10. Karataev V. O. Yakut heroic epic “Mighty Er Sogotokh”. Novosibirsk, Nauka Publ., 1996, 440 p. (In Yakut and Russ.)
11. Yadrikhinsky P. P. Yakut heroic epic. “Girl-hero of Dzhyrybyna Dzhyrylyatta”. Yakutsk, Kemel Publ., 2019, 512 p. (In Yakut and Russ.)
12. Shor heroic tales. Transl., comm. by A. I. Chudoyakov. Moscow, Novosibirsk, Nauka Publ., 1998, 463 p. (In Shor and Russ.)
13. Shor heroic legends: Kara Kan, Kara Sabak. Comp., transl. by L. N. Arbachakova. Moscow, Bible Translation Institute Publ., 2014, 280 p. (In Shor and Russ.)
14. Neklyudov S. Yu. The field of humanitarian knowledge and strategies for the study of folk culture. *Vestnik of RGGU. Series: Culturology. Art criticism. Museology*. 2008, no. 10, pp. 11–24. (In Russ.)
15. Oiunsky P. A. Yakut tale (olonkho), its plot and content. Yakutsk, NEFU Publ., 2016, 120 p. (In Russ.)
16. Neklyudov S. Yu. Mythological semantics in the beginnings of the Mongolian epic. In: *Opera altaistica professori Stanislao Kałużynski octogenario dicata. Rocznik Orientalistyczny*. Vol. 58 (1). Warszawa, Dom Wydawniczy Elipsa, 2005, pp. 117–132. (In Russ.)
17. Makovsky M. M. A Comparative Dictionary of Mythological Symbolism in Indo-European Languages: The Image of the World and the Worlds of Images. Moscow, VLADOS Publ., 1996, 416 p. (In Russ.)
18. Gogolev A. I. The origins of mythology and the traditional calendar of the Yakuts. Yakutsk, Yakutsk University Publ., 2002, 104 p. (In Russ.)
19. Sharakhshinova N. O. Cosmogonic representations in the epic of the Mongolian peoples. In: *Epic creativity of the peoples of Siberia and the Far East*. Yakutsk, Yakut filial of SB RAS Publ., 1978, pp. 20–24. (In Russ.)
20. Anokhin A. V. Materials on shamanism among Altai people. In: *MAE Collection. Leningrad, Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography*, 1924, 152 p. (In Russ.)
21. Ergis G. U. Essays on Yakut folklore. Yakutsk, Bichik Publ., 2008, 400 p. (In Russ.)
22. Toporov V. N. World tree: Universal iconic complexes. Vol. 2. Moscow, Manuscript Monuments of Ancient Rus Publ., 2010, 496 p. (In Russ.)
23. Ereemeev P. I. Notes on the Yakut belief. In: *Manuscript collection of the archiv of the Crest-Khaldzhaisky library of the Tomponsky district of RS(Ya)*. Fund of local lore P. I. Ereemeev, inv. 1, storage unit 2, 57 sh. (In Yakut)